

Ведущая рубрики –
Марина Балашкина,
историк-династиевед,
директор Центра
практической истории,
г.Барнаул,
hist_center@mail.ru

Rubric presenter –
Marina Balashkina,
historian - dynasty-learner,
founder of the Centre of
Practical History,
Barnaul
hist_center@mail.ru

Мы познакомились с Сергеем Теплоуховым в мае 2008 в Белграде, цветущем розами, наполненном братской любовью сербов к русским, чувством истории и ее неразрывности с православием и сегодняшним днем. По внутреннему ощущению, по духу Сербия – это идеальная Россия в миниатюре, такая, какой мы хотели бы видеть свою страну. Здесь православные святые и национальные герои – воины-освободители – Святой Савва, Лазарь, Милош, русский Александр Невский – почитаются местными жителями не как отстраненные герои из учебников истории и книг, а как собственные предки, прародители, живые люди, почти современники. В Белграде другое чувство реальности – там жива православная история, поскольку она не прерывалась даже в социалистические времена. Россия же после 1917 года лишилась большей части православных священников, а сама вера оказалась табуированной. Сегодня духовенство в России возрождается как сословие, и служение Богу как основное занятие вновь начинает передаваться из поколения в поколение. Нарождаются новые династии.

Сергей Теплоухов,
выпускник Санкт-Петербургской
Духовной Семинарии,
чтец храма Святой Троицы
с. Кончезеро,
сотрудник Фонда «Поддержка»,
республика Карелия

Sergey Teploukhov,
Saint-Petersburg Theological
Seminary graduate,
Holy Trinity Temple reader,
Support Fund member,
Republic of Karelia

Возрождение сословия

Частная история

Интервью номера / Issue Interview

Revival of Class

Private Story

I met Sergey Teploukhov in May 2008 in Belgrade, city abounded with blooming roses, brotherly love of the Serbs to the Russians, sense of history and its continuity with Orthodoxy and this day. By its spirit Serbia is an ideal Russia in miniature, the Russia we would like to see. In this country the Orthodox saints and national heroes – warriors-liberators – Saint Savva, Lazarus, Milosh, Russian Alexander Nevsky are honoured by the locals not as out-of-body heroes from the history textbook, but as your own forefathers, live persons, they are contemporaries. There is quite a different sense of reality in Belgrade since the Orthodox history never ended up even in socialist times. Russia, unlike Serbia, lost most part of its Orthodox priests, and the religion was tabooed. Today the clergy is reviving as a class in Russia and serving God is starting to be passed on from one generation to another. New dynasties appear. In Belgrade the Orthodox history has never stopped. It makes the air easy to breathe with. That is why we agreed with Sergey to make an interview about his family, family history in Belgrade. I wanted to find out what it takes to be an Orthodox clergyman's son.

В Белграде же православная история никогда не прерывалась. От этого здесь дышится легче. Именно в Белграде мы договорились с Сергеем о том, что сделаем интервью о его семье, семейной истории и о том, что означает быть сыном православного священника.

Сегодня мы беседуем с Сергеем Теплоуховым. Его семья: отец – священник Сергей (Теплоухов Сергей Николаевич), настоятель храма Святой Троицы с. Кончезеро Петрозаводской и Карельской епархии Русской Православной Церкви, матушка Наталья (Теплоухова Наталья Михайловна), брат Андрей и сестра Людмила.

Today we talk with Sergey Teploukhov.

His family: father – clergyman Sergius (Teploukhov Sergey Nikolayevich), senior clergyman in the Church of the Holy Trinity, Konchezero village, Petrozavodsk and Karelian Eparchy of the Russian Orthodox Church, mother Natalia (Teploukhova Natalia Mikhailovna), brother Andrei and sister Lyudmila.

— Сергей, говоря о семейной истории, хочется уточнить, какой смысл принято вкладывать в Вашем доме в понятие «род», «семья»? Как Вами это понимается?

— Когда у наших родителей появились мы, — сначала брат, через год и я — они оставили Ленинград, уехали жить в глухую деревню и занялись пчеловодством. Мы, дети, практически все детство провели на пасеке рядом с рекой и лесом среди звенящей тишины «неперспективной деревни» или среди привычной теплоты родного дома, который, кстати сказать, не всегда был и затоплен. В нем слились в моей памяти воедино родные голоса, фортепьянная музыка Шопена, шквал звуков из надорванного сердца Высоцкого, колокольные звоны древних монастырей и... наш неумный детский гвалт, наши удивления, обиды, радости и порой — бескомпромиссный протест. Бог знает, как формировались наши пчеловодные

навыки и представления — через ли неохотное поедание меда под неусыпным и требовательным родительским оком, или через бесплодные попытки отмахивания от грозных насекомых, увидевших неожиданного врага в младенце, истерически выдирающем пчелу, запутавшуюся в его волосах. Но кое-что о пчелах мы запомнили на всю жизнь...

Всем известно, что пчелками всегда называют трудяг и что плодами от них являются такие эксклюзивные продукты, как мед, пыльца, воск. Также всем известно, что из воска хорошо лить Богу свечки. Но не все знают, насколько все правильно и разумно устроено в пчелиной семье. Вообще говоря, о пчелах и их жизни стоило бы послушать моих родителей. Тут могла бы получиться лекция или две, но мне сейчас кажется уместным вспомнить следующее.

Жизнь пчелиной семьи никогда не бывает легкой и в некоторые периоды года работа пчел настолько тяжела и

интенсивна, что живут они всего недели две. А вот есть период года, в который пчелы живут целых несколько месяцев — вот какие счастливицы среди своих собратьев (если быть точным, то сестер)! Бывает это всегда зимой и получается, что пчелы, уходящие в зиму, — всегда долгожители! В конце зимы они чаще всего лысые, потому что старые, но обязанностей и ответственности за жизнь семьи у них не убавляется. Дело в том, что в конце зимы матка, так зовут самую главную пчелу в семье, начинает сеять личинки, из которых весной должен появиться молодой расплод. И рабочие пчелы, пока они на ногах, обязаны согреть и выкормить этих личинок. Вот в этом и состоит знакомый людям драматический смысл зимовки пчелиной семьи: старые пчелы обязаны тянуть лямку, пока молодняк не встанет на крыло! Иначе всей семье конец. Здесь речь категорически не идет о проблеме выживания индивидуума. Позитивный результат получается только при безо-

Возрождение сословия

Частная история

Интервью номера / Issue Interview

Revival of Class

Private Story

Мать — студентка / Mother — a student

Отец — инженер / Father — an engineer

— Sergey, talking about family history I would like to know what meaning do you put in the notions 'clan', 'family'? What do you understand by that?

I will start with the history of my family. When we were born, at first my brother then me, our parents left Leningrad and went to remote village and engaged themselves into beekeeping. We, children, spent almost all our childhood in a beegarden by the river and the forest among clinking silence of unpromising village¹ or in the usual warmth of home which was not always heated. My memory keeps dear voices, Shopen's piano music, and gust of sounds from Vysotsky's torn heart, ringing of bells of the ancient monasteries and... our irrepressible childish row, our surprises, offends, joys and sometimes hard-edged protest. Only God knows the way our beekeeping skills and ideas were formed — either through unwilling eating

¹ Not the place is unpromising, but a person is, if the only thing he is good at is enjoying himself.

of the honey under our parents' vigilant eyes or through vain efforts to wave off the severe insects that saw a sudden enemy in a baby who hysterically tries to get rid of the bee fouled in his hair. But something about bees we remembered forever.

Everybody knows that workaholics are always called bees and the products they make are exclusive, like honey, pollen, and beeswax. It is also well-known that wax is good to found candles for God. But not all people know to what extent the life in the bee family is right and rational. You should listen to my parents speaking about bees and their life. It would make a lecture or even two, but now I would prefer to recollect the following:

The life of the bee family is never easy, at some seasons it is so hard that they live for two weeks only. And there is a period when they live for several months — how lucky they are among their brothers (or sisters, to be precise). It happens in winter and it means that bees spending

winter are always long-livers! In the end of the winter they are often bold due to their age, but they have the same duties and responsibilities. The thing is that the queen (the main bee in the family) lays larvae in the end of the winter, which will give a young brood in spring. And the working bees must warm and feed these larvae. That is a familiar to people dramatic meaning of bee hibernation: the old bees have to drudge till the young ones are able to fly. Or, otherwise, it will be the end of the bee family. It is not the question of individual survival. The success will be achieved only with implicit sacrifice of all workers and 100 per cent death of the old generations to provide a further life of younger generations, which happens according to the life laws.

The same was with people: elder people looked after the youngsters, and the latter knew and honoured previous generations.

The first Gospel, the Gospel of Matthew starts by the words: 'genealogy of Jesus

ворочном самопожертвовании в работе всех и стопроцентном уходе из жизни старшего поколения, совершаемого по законам жизни для обеспечения продолжения жизни в жизни нового поколения.

У людей также было принято, чтобы старшие заботились о младших, а младшие знали и почитали уже ушедшие поколения предков.

Первое Евангелие, Евангелие от Матфея начинается словами: «Книга родства Иисуса Христа...», и далее перечисляется Его род (Мф.1:1-17). Также и святой апостол и евангелист Лука в начале своего повествования о Христе описывает Его родословную (Лк.3:23-38). И другие книги Священного Писания изобилуют описаниями родословных героев повествования. Из истории Древнего Мира и Средних Веков мы знаем, что человек, знающий свой род и имеющий большую семью, пользовался особым уважением и весом в обществе; и напротив, непомнящие своих корней,

были всегда презираемы. Их называли безродными, они были лишены обществом многих прав, не могли занимать высокие государственные посты и быть священнослужителями (1 Езд. 2:62 «Они искали своей записи родословной, и не нашлось ее, а потому исключены из священства»). В «Повести временных лет» мы читаем, «откуда пошла Русская Земля, кто в Киеве стал первым княжить» и многочисленные родословные князей; так же и в других старинных книгах и повестях.

В современном обществе мы видим приоритеты других ценностей; историческая родовая память отходит на десятый план, а на первое место почета поднимается материальная составляющая. В этом я вижу одну из причин нравственного обвала, поразившего мир, будто эпидемией страшной болезни.

– Но ведь в Вашей семье дело обстоит не так? Расскажите историю рода

Теплоуховых: сколько поколений священнослужителей в Вашем роду, как состоялся этот выбор?

– Если в семье есть верующий человек, активно участвующий в церковной жизни, молящийся за своих родных, как о живых, так и об усопших, значит, у семьи (рода) есть свой молитвенник. Если в семье кто-то становится священником – на семье (роде) особое Божие благоволение. Не человек выбирает себе этот путь своей волей, а Бог Сам выбирает служителей Себе. Еще при Своей земной жизни Христос говорил ученикам: «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал...» (Ин. 15:16).

Наш род получился разночинным и интернациональным, кого там только не найдешь: русские, немцы, украинцы, белорусы, сербы, казаки. Военные, купцы, мещане, крестьяне по происхождению, Теплоуховы из тех поколений, что мне известны, занимались кто чем. Трудно

1.

2.

1. Дети Теплоуховых – Андрей и Люда – на родительской пасеке. Конец 1980-х гг.

2. Семья Теплоуховых времен, когда отец работал церковным сторожем. 1989-1990 гг.

1. The Teploukhovs' children – Andrei and Lyuda in their parents' bee-garden. Late 1980s.

2. The Teploukhovs during their father's work as a sexton. 1989-1990.

Christ' and then it lists His genealogy (Matthew 1:1-17). Saint apostle Luke the Evangelist in the beginning of his story about Christ describes His genealogy (Luke 3:23-38). Other books of the Holy Writ are full of descriptions of the character's genealogies. We know from the ancient and medieval history that a person who knew his clan and had a big family, was respected and honoured by the community and the other way round, people, who did not remember their roots, were always despised. They were called 'without kin', they were deprived of many rights by the society, they could not occupy high-rank positions and to be clergymen. (Ezra 2:62 'These searched for their family records, but they could not find them and so were excluded from the priesthood as unclean'). In the 'Tale of Bygone Years' we read where the Russian land came from, who was the first knyaz in Kiev and numerous family trees of the knyazes: as well as in other antique books and novels.

Modern society has different values. The historical family memory makes way for material constituent. That is, in my opinion, the reason of moral collapse that hit the world like an epidemic.

– But the situation in your family is different? Tell us, please, the history of Teplukhov's clan. How many generations of clergymen are there? How did they make their choice?

If there is a religious person in the family, who takes an active part in the church life, praying for his dearest people, both alive and late, it means that the family has its prayer book. If someone in the family becomes a priest – the family is blessed by God. It is not a person who chooses this way but God chooses his servants on his own. Jesus Christ told his pupils while his earthy life: 'You did not choose me, but I chose you and appointed you to go and bear fruit – fruit that will last...' (John 15:16)

сказать сейчас, был ли кто из них причастен к духовенству — время было настолько сложное, что принято было срывать с семейных фотографий прежних офицеров и, конечно, попов. В советский же период истории России практически все наши ближайшие родственники были коммунистами.

В нашем понимании, отец — первый, кто, оставив все, престижную работу, стабильность и достаток, прежний круг общения, родственные связи, пришел в Церковь. Конечно же, со своей семьей, то есть с нами и мамой. Через десять лет послушаний, пройдя все стадии с самого низу (начал с работы церковным сторожем), отец стал священником. Расскажу немного о нем — вроде чуть пошире анкеты...

Теплоухов Сергей Николаевич, родился в 1947 году в Ленинграде. Он был поздним ребенком, на момент рождения его отцу — моему деду, Николаю Даниловичу было 49 лет. Послевоенный народ, как раненый зверь лизывал

раны (в семье тоже было два погибших в блокаду ребенка), и рождались тогда преимущественно мальчики. У матери во время беременности был открытый процесс туберкулеза легких (это такие дырки в легких, которые кровоточат), роды запрещали, но она очень хотела ребенка, и врачи в конце концов сдались. Дед — идеалист и член партии с 1917 года, участник революции, ветеран финской, гражданской и Великой Отечественной войн; последнюю прошел в чине капитана, в советские годы жизни был занят партийной работой, но был человеком незлобивым и даже кротким. На отца повлиял мало — их контакт сложился под влиянием жизни уже в нашей семье, когда деду было 91 год.

Бабушка (мать моего отца) — Галина Степановна, домохозяйка, отец ее был родом с Украины, а мать — немка. Эта кровь сказалась, бабушка с детства приучала отца к порядку и дисциплине.

Вырос отец интеллигентным, независимым человеком, всего, к чему он

стремился, добивался сам. Закончил Ленинградский политехнический институт им. Калинина по специальности — инженер ЭВМ; к тому времени уже работал ведущим инженером-программистом на оборонном предприятии. С детства запомнил я, как он иногда импровизировал на пианино. А вот о том, что он и рисовал, знаю только по рассказам: отец уничтожил свои работы, когда принял веру. Еще в молодости разочаровался в материализме и с того времени начал искать Бога. Этот путь у него был долгим и тернистым — через восточную философию и (восточные) духовные практики. К Православию пришел, когда познакомился с мамой. Было ему уже за 30.

Немного о маме. Теплоухова (Лубкович) Наталья Михайловна родилась в 1956 году на Украине. Ее родители развелись, когда ей был год с небольшим, так что отца она фактически не знала. Он был родом из Польши, при этом отец, мой дед, — серб по национальности, а мать

Возрождение сословия

Частная история

Интервью номера / Issue Interview

Revival of Class

Private Story

Our clan turned out to be international, you can find there whatever you like: Russians, Germans, Ukrainians, Belorussians, Serbs, Cossacks. Soldiers, merchants, petty bourgeois, peasants by origin the Teploukhovs from those generations did whatever they liked. It is difficult to say now whether anybody of them was involved in clergy — the time was so hard that people had to cut out officers and clergymen from family photos. In the Soviet period almost all our relatives were communists.

In our understanding my father was the first who left everything, a prestigious job, stability and wealth, former acquaintances, relationships, and came to the Church. Of course, he took my mother and us, children. In ten years coming through all stages (he started as a sexton) he became a clergyman. I will say some words about him like in a questionnaire.

Teplukhov Sergey Nikolayevich was born in 1947 in Leningrad. He was a

late child, at that time my grandfather, Nikolai Danilovich, was 49. Postwar nation like an injured beast was licking its wounds (there were two children in the family who had died during blockade) and mainly boys were born. The mother when she was pregnant had open tuberculosis (i.e. bleeding holes in the lungs), the delivery was prohibited, but she wanted to have a child so much that the doctors finally gave in. My grandfather has been an idealist and party member since 1917, revolutionary, veteran of the Civil War, the Continuation War and the Great Patriotic War. He came through the last war as a captain, the last years of his life he gave to the party work, but he was a gentle person. He had little influence on my father — they gained understanding in our family when my grandfather was already 91.

My grandmother (my father's mother) — Galina Stepanovna, was a housewife, her father originated from Ukraine, and her mother was German. This affected her

character: the grandmother taught my father to order and discipline.

My father grew up an intelligent, independent person. He achieved everything on his own. He graduated from the Kalinin Leningrad Polytechnic Institute as an 'engineer of IBM'; at that time he already worked as a key programmer engineer on a defense plant. From the childhood I remembered him playing the piano. As for the fact that he painted I knew about it only from stories: my father did away with all his paintings when he adopted Orthodoxy. He got disappointed in materialism when he was young and since that time started to look for God. It was a long and thorny way — through Oriental philosophy and (Oriental) spiritual practices. He came to Orthodoxy when he met my mother. At that time he was well into his thirties.

Some words about my mother. Teploukhova (Lubkovitch) Natalia Mikhailovna was born in 1956. Her parents divorced when she was one year

(бабушка) — из Белоруссии. Мамина мама, Майя Васильевна, вторично вышла замуж и моталась с мужем по Украине, горам и пустыням Киргизии и Казахстана, куда заносила их судьба. Единственный ее ребенок, моя мама, жила, в основном, со своей бабушкой, потом, после смерти бабушки — в интернате, потом во Фрунзе у тетки. В какой-то момент, осознав, что родственникам она скорее мешает, чем нужна, мама просто села в самолет, направлявшийся в Ленинград.

Там она влилась в поток молодых провинциальных девиц и парней, заочно романтически влюбленных в город белых ночей и трех революций. Поступила на малярно-штукатурные курсы, жила в общежитии, работала на стройке, где физически надорвалась, что было в норме великого порядка «развитого социализма». Но «Дух дышет, где хочет» (Ин. 3:8), и она, живя столь «полноценно и изящно», стала каждый день посещать Эрмитаж. Ходила по его залам, впитывала дух. Когда ее спрашивали, где она живет, она

отвечала, что живет в Эрмитаже — да ее и служители эрмитажные стали за свою принимать. Все последующее в ее жизни было чудо (как, впрочем, и многое из предыдущего). Поступила в ЛГУ на факультет журналистики. Училась там ровно столько, чтобы на одном из семинаров познакомиться с отцом. И потом была любовь на всю жизнь, то, к чему они оба шли всю предыдущую жизнь. Пока об этом все.

— **А потом в семье появились вы — дети! Каково это — расти в семье священника? Было ли особенным Ваше воспитание, образование?**

— Быть сыном священника, понятно, непросто. Приходится постоянно находиться на виду у прихожан. По их понятиям, если ты от церкви — значит — почти херувим. Не так ведешь себя, значит эта церковь ненастоящая.

Да и вообще, в деревне все друг друга знают. Люди, глядя на наше поведение,

будут судить об отце: если не смог воспитать своих детей, права воспитывать других нет. Об этом писал еще апостол Павел: священнослужитель должен быть избран из тех, кто, в числе прочего, смог образовать порядок в собственной семье (1 Тим. 3:4, 12).

Образование дети священнослужителей зачастую получают традиционное, соответствующее их семье. Часто это бывает Духовная Семинария, Духовное училище и другие церковные школы. Строгого предписания по этому поводу нет, но так бывает чаще всего в силу того, что семья священника — патриархальная и традиционная, дети учатся тому, чем занимаются родители. Но бывает и по-другому: дети священнослужителей, не чувствуя в себе достаточно сил для служения, уходят в светскую жизнь.

В нашей семье получилось так, что родители (может быть, и сами того до конца не понимая) подготовили нас к церковной службе с самого детства. Наш дом был малым подобием храма — большая

1. Дом родителей Сергея Теплоухова. Младшая сестра Людмила. Начало 1990-х гг.

2. В храме Святой Троицы, село Кончезеро.

1. The house of Sergey Teploukhov's parents. Younger sister Lyudmila. Early 1990s.

2. At the Holy Trinity Temple, Konchезero village.

old and she practically did not know her father. He originated from Poland at the same time his father (my grandfather) was Serbian, and his mother (my grandmother) is Byelorussian. Mother's mother, Maya Vasilyevna married for the second time and rushed about all mountains and deserts the fate brought them to. Her only child, my mother, lived mainly with her grandfather, then after her death she lived in the boarding school, later in Phrunze — with her aunt. At some moment she realized that she was more of a burden to her relatives than helpful, so she took a plane to Leningrad.

There she joined young provincial boys and girls who had fallen in love with the city of white nights and three revolutions without seeing it. She entered plaster and painting courses, lived in a dormitory, worked in a building site where she ruined her health, as it was planned by 'advanced socialism'. Living such 'full and graceful life' she started to visit the Hermitage every day. Strolled through its halls, took

in its atmosphere. When asked where she lived she answered: 'In the Hermitage' — besides its workers started to take her for their colleague. All the following events in her life were like a miracle (like, however, many previous). She entered the journalism department of Leningrad State University. And she had studied there till she met my father at one of the workshops. And it was love for the whole life — which they had been looking for the whole previous life. That is all for this moment.

— **And then you, children, were born! What it feels like to grow up in the clergyman's family? Were your education and upbringing peculiar?**

To be a clergyman's son is evidently not easy. You are always in parish's sight. They think that you are almost a cherub since you represent the church. If you do not behave correctly, it means that the church is false.

And moreover, all people in the village know each other. People will judge my

father looking at our behaviour: if he could not foster good manners in his own children, he has no right to do it with other children. Apostle Paul wrote about it: 'He must manage his own family well and see that his children obey him with proper respect... A deacon must be the husband of but one wife and must manage his children and his household well' (1 Timothy 3:4,12).

Clergyman's children usually get a traditional education proper to their family. It is often a Theological Seminary, Religious school and other church schools. There are no strong rules (or regulations) about it, but it is meant. Since clergyman's family is Orthodox and traditional, the children are taught things their parents do. But sometimes it happens the other way round: clergyman's children do not feel enough power to serve God and live a secular life.

It is happened so in our family that our parents (maybe unconscious of

часть стен комнат была завешана репродукциями шедевров мировой иконописи. Видя их перед глазами с самого детства, мы научились различать школы и техники иконописи, а также узнавать конкретные иконы (среди других). В нашем доме часто звучала духовная музыка в исполнении лучших хоров. Слушая эту музыку, мы запоминали на слух и пели сами.

Также трудами родителей у нас была замечательная библиотека духовной и светской литературы, в которой каждая книга находилась не случайно; впоследствии мы не представляли себе дома без больших книжных полок и с детства любили читать, как сами для себя, так и вслух всей семье. Сказки не приветствовались; в основном читали духовную, историческую литературу и, конечно же, мировую классику.

Родители активно приобщали нас к таинствам Церкви и регулярно приводили нас на службы. Я вместе со старшим братом Андреем уже с 11 и 10 лет соответ-

ственно начали прислуживать в алтаре, причем на полной ответственности. Мы знали, что если не придем, нас нечем будет заменить. Прислуживали радостно, жили, что называется, от службы до службы.

Также наша семья была в свое время, можно сказать, уникальной тем, что родители не отдали нас в школу, а учили сами. Кто только не считал нужным их судить за это — родственники, знакомые, просто случайные для нас люди. Нам, детям, предрекали асоциальность, замкнутость, неумение общаться и тому подобное. Но ничего этого с нами не произошло. Родители компенсировали отсутствие нашего предполагаемого школьного общения общением со взрослыми — друзьями нашей семьи. Мы никогда не чувствовали себя обделенными и в общении со сверстниками, ведь у многих семей при церкви есть дети. А когда подошла пора получать документы об образовании, родителям удалось, переломив шок, возмущение и даже противодействие

местного РОНО (тогда мы уже жили в Санкт-Петербурге), устроить нас в школу по месту жительства на экстернат. Мы самостоятельно готовились по всем предметам, а потом сдавали зачеты и экзамены в школе, вместе с другими школьниками. Таким образом, мы с братом в 2001 году получили школьный аттестат и поступили в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, которую окончили в 2006 году.

Потом брата призвали в армию, год он служил в топографическом отряде специального назначения. У командования был на хорошем счету, демобилизовался младшим сержантом. Меня к армейской службе комиссия признала непригодным. Сейчас мы с братом продолжаем свою церковную службу, а также учимся заочно в двух институтах одновременно — в Санкт-Петербургском институте богословия и философии и в Международном институте экономики и права, на юридическом факультете. Наша сестра, Людмила, также учится в

Возрождение сословия

Частная история

Интервью номера/ Issue Interview

Revival of Class

Private Story

that) prepared us for serving from the very childhood. Our house was a kind of a temple — the walls in the rooms were covered with reproductions of the masterpieces of the world iconography. Seeing them from the very childhood we learned to differentiate schools and techniques of iconography, to recognize concrete icons among others. The best choir's sacred music was often heard in our house. We remembered the words and sang the songs ourselves.

Thanks to our parents we had a wonderful library of religious and secular books. Later we could not imagine our home without big book-shelves, we liked to read both for ourselves and aloud for the family. Tales were not welcomed. We read mainly religious, historical literature and, of course, the world classics.

Parents actively accustomed us to the Church sacraments and regularly took us to services. My brother Andrei and I, at 10 and 11 years correspondingly,

began to serve in the altar with our full responsibility. We knew there was nobody to replace us in case we did not come. We served with joy, lived as it is called from one service to another.

Our family was unique because our parents did not send us to school. They taught us on their own. Anyone who wanted judged them: relatives, friends, passing acquaintances. They promised us antisocial features, restraint, inability to communicate. Nothing of that kind happened. The parents made up the absence of school communication for communication with adults — friends of our family. We have never felt lack of communication with the peers since a lot of families in the church had children. And when it was time to get our school-leaving certificates, our parents managed to fight shock, indignation and even contraction of the local educational department (at that time we already lived in Saint-Petersburg) and place us into a school in a form of external studies. We prepared on our own all the subjects, and

1.

Дети Теплоуховых. Сергей и Люда встречают старшего брата Андрея из армии. 2007 год.

The Teploukhovs' children. Sergey and Lyuda meet their elder brother Andrei from the army. 2007.

Санкт-Петербургском институте богословия и философии, уже на выпускном курсе.

Для того чтобы принять сан, необходимо определиться со своим семейным положением (жениться или принять монашество, так как после принятия сана передумать будет уже нельзя). А еще до того надо разобраться со своим образованием, так как когда примешь сан, там уже будет не до чего — только служение.

С 2000 года мы посвящены в чин чтеца — первый чин церковной иерархии; обычно в чтецов посвящают студентов пятого курса Духовной семинарии; а нам в 2000 году было 16 и 17 лет. Во время службы в своем храме мы с братом выполняем разные послушания — алтарников, чтецов, еще много разных церковных послушаний помимо служб — занимаемся снабжением храма, ведем бухгалтерию, участвуем в организации социальных и культурных мероприятий и тому подобное. Поём в церковном хоре. Людмила,

как и мы, трудится в одном из храмов Санкт-Петербурга — поет в церковном хоре, иногда руководит им; раньше занималась пением с детьми в воскресной школе; когда приезжает к нам на каникулы, поет в нашем храме.

— Сергей, расскажите об основных ценностях, которые передаются в Вашей семье от поколения к поколению?

— Начиная с отца, главная наша семейная ценность — вера православная. Также в нашей семье всегда были в почете любовь к Родине и уважение к старшим... Что же еще? Связь поколений может жить только через любовь. Иначе все теряет смысл.

В семье одно время хранился перстень с историей. Мой прадед (отец матери моего отца) как-то вернувшись домой, обнаружил, что из кольца на его пальце выпал камень — старинной огранки бриллиант чуть больше карата. С фонарем он искал

его всю ночь и нашел-таки. Потом, в наше время мама продала этот камень, когда нам не на что было жить.

— Как Вы считаете, нужно ли сегодня людям в России осознавать себя в родовой перспективе?

— Ни для кого не секрет, что в настоящее время Россия переживает глубокий кризис во всех главных составляющих (сферах развития) нации — в духовной, экономической, демографической и других. Осознание себя в родовой перспективе для наших сограждан — вопрос жизни и смерти. Будем ли мы, русские люди, иванами, не помнящими своего родства, или мы постараемся вновь найти для себя утраченные духовные и культурные ценности нашего народа? Выберем ли мы для себя позор и жалкое существование безродных граждан мира, или вспомним о нашем славном прошлом? История покажет.

passed tests and exams at from school with other pupils. Thus, my brother and I graduated from school in 2001 and entered Saint-Petersburg Theological Seminary which we graduated from in 2006.

Later my brother was drafted and served in the special-purpose topographic detachment. He had a good reputation among the officers; he got demobilized as a junior sergeant. I was found unsuitable. Today my brother and I continue our service, and also study at two institutes by correspondence — at Saint-Petersburg Institute of Theology and Philosophy and at International Institute of Economics and Law in law department. Our sister, Lyudmila, is a final-year student at Saint-Petersburg Institute of Theology and Philosophy.

To enter the Church you should take decision about your marital status (to marry or to become a monk, because you will not have a chance to change your mind). And you have to decide the question about your education, since later

you will not have time for anything — just for serving).

Since 2000 we have been initiated into readers — the first rank of the church hierarchy; usually the students of the Theological Seminary are initiated into readers, but my brother and I were 16 and 17 in 2000. While serving in the temple we carry out different novitiates — altar servers, readers, and several other things beside the church ones — supply of the temple, book-keeping, we organize social and cultural events. We sing in the choir. Lyudmila also serves in one of the temples of Saint-Petersburg — sings in the choir, sometimes heads it; she used to teach children singing at Sunday school. She sings in our temple when she comes on holidays.

— Please tell us about the main values that are passed in your family from generation to generation?

The main value in our family starting with my father is the Orthodox belief.

We also loved our Motherland and had respect for the elders... What else? The ties between generations can exist only by means of love. Otherwise, everything loses its sense...

For some time we kept a seal-ring with a history. One day my great-grandfather (the father of my father's mother) came home and found out that a stone from his seal-ring disappeared — a diamond a bit heavier than one carat in antique cut. He looked for it for the whole night with a torch and finally, found it. Later when we had no money to live on, my mother sold it.

— Do you think Russian people need to realize themselves in a clan perspective?

— It is not a secret that nowadays Russia goes through a crisis in all spheres of life — spiritual, economic, demographic etc. The perception of us in clan perspective is a question of life and death for our compatriots.